

Профессор д-р Кирилл Шевченко, Республика Беларусь
Российский государственный социальный университет
Минск

ЧЕШСКАЯ ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Политика исторической памяти в Протекторате
Богемия и Моравия в 1939 –1945 гг.

Аннотация

В статье анализируется политика исторической памяти, которая проводилась властями протектората Богемия и Моравия, образованном по указу Гитлера после окончательной оккупации чешских земель нацистским рейхом в марте 1939 года. Суть данной исторической политики состояла в обслуживании нацистской пропаганды и в подготовке чешского населения к запланированному нацистским руководством «окончательному решению чешского вопроса». Так, историческая политика в протекторате активно пропагандировала тезис об исконной принадлежности чешских земель Германскому рейху и популяризировала чешского князя Вацлава из династии Приемысловцев, который в начале X века признал вассальную зависимость Чехии от Германии. Данная историческая политика была одним из ярких проявлений чешского коллаборационизма и проводилась властями протектората вплоть до мая 1945 года. В наиболее яркой форме эта политика нашла своё выражение в средствах массовой информации и в протекторатной кинематографии.

Ключевые слова: *Протекторат Богемия и Моравия, историческая политика, коллаборационизм, германизация, Третий рейх.*

Политические потрясения в Чехословакии, вызванные Мюнхенским соглашением, заключенным в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. между Гитлером, Муссолини и лидерами Великобритании и Франции, в результате чего страна лишилась населённых судетскими немцами стратегически и экономически важных обширных приграничных областей (Vukouřil 2000, 363), оказали колоссальное влияние на проводившуюся здесь политику исторической памяти. В созданной в результате мюнхенского кризиса так называемой Второй чехословацкой республике ведущую роль стали играть правые и крайне правые политические силы, представленные аграрной партией, национальными демократами и различными фашистскими структурами, которые в той или иной степени ориентировались на нацистскую Германию.

Помимо колоссальных геополитических и социально-экономических потерь, подготовивших почву для окончательной оккупации чешских земель Германией, Мюнхенский сговор привёл также к глубокому психологическому шоку и депрессии в чешском обществе. По образному выражению одного чешского публициста, карта послевоенной Чехословакии напоминала «труп, обглоданный гиенами», а население страны превратилось в «ходячих мертвецов, стремящихся исключить реальность из своей повседневной жизни» (Kuras 1999, 161).

Политическое руководство Второй чехословацкой республики категорически отвергло либеральное идейное наследие Масарика и Бенеша, а также ориентацию на западные демократии и парламентаризм, которые были объявлены «корнями зла» (Rataj 1999, 87). Образцом для подражания стал нацистский Третий рейх, в вассальной зависимости от которого оказалась послевоенная Вторая республика. Именно по этой причине идейной основой Второй республики стал ярко выраженный национализм с оттенком расизма, позаимствованный у немецких нацистов принцип вождизма, а также культ «крови и почвы», воинской доблести, верности и дисциплины. Всё это было позаимствовано из идейного арсенала германского нацизма и не без успеха приспособлено к специфическим чешским условиям.

В политике исторической памяти в период Второй республики наиболее важное изменение заключалось в том, что с политико-идеологического пьедестала была сброшена столь любимая Масариком гуситская и национально-возрожденческая традиция

и вместо неё доминирующее положение занял католический фундаментализм. Наиболее ярким символом чешского католицизма являлся святой Вацлав – чешский князь из династии Пржемысловцев, активно способствовавший христианизации чешских земель в начале X века, признавший вассальную зависимость Чехии от Германии и впоследствии ставший жертвой своего младшего брата Болеслава в 935 году.

Показательно в этой связи, что 30 ноября 1938 г. сразу после своего избрания на пост президента Второй чехословацкой республики (Чехо-Словакии) Э. Гаха, стоя на коленях перед пражским архиепископом кардиналом К. Кашпаром, приложился и облобызал череп святого Вацлава. На следующий день новое правительство Второй республики во главе с лидером аграрной партии Бераном после принесения присяги на верность начало свою работу с церковной службы и общей молитвы министров. Всё это, невозможное в период подчёркнуто светской Первой чехословацкой республики, свидетельствовало о воздвижении фигуры святого Вацлава на государственный пьедестал и ярко демонстрировало консервативно-авторитарный характер нового режима (Rataj 1999, 87).

Представителями чешского католического лагеря в это время были консервативно настроенные прелаты, воинственные католические интеллектуалы и католические фашисты и полуфашисты разных оттенков, стремившиеся взять реванш за своё маргинальное положение в период Первой республики. При этом сторонники умеренного католицизма и диалога с секуляризованной частью общества оказались на обочине общественно-политической жизни. Более того, католические фундаменталисты под лозунгом «Католичество – это закон!» стремились подчинить государство церковной власти и полностью объединить католичество с чешской национальной идентичностью в единое целое. Под знаменем святовацлавской традиции и культа святого Вацлава во Второй чехословацкой республике был проведён ряд политических и культурных чисток. По справедливому замечанию чешского историка Я. Ратая, «политическая слепота, стремление к мести, ненависть к демократам и идейным оппонентам привели чешских интегральных католиков в лагерь открытых сторонников нацизма» (Rataj 1999, 88). Без преувеличения можно констатировать, что трансформация общественно-политической и идейной жизни в период Второй чехословацкой республики в полной мере подготовили почву для возникновения протектората Богемия и Моравия.

Полная оккупация Чехии и Моравии германским вермахтом в марте 1939 г., ликвидация Второй республики и провозглашение созданного по указу Гитлера протектората Богемия и Моравия в составе нацистской Германии дали мощный толчок дальнейшему развитию тех тенденций в политике исторической памяти, которые наметились ещё в период Второй чехословацкой республики. Определяющим фактором, который имел решающее влияние на политику исторической памяти в протекторате, стал коллаборационизм и полное подчинение чешских земель интересам германского Третьего рейха. Примечательно в этой связи, что статья 3 гитлеровского указа об образовании протектората Богемия и Моравия устанавливала автономию и самоуправление протектората с характерной оговоркой о том, что их объем и реализация определяются исключительно «политическими потребностями Рейха» (Beneš 1995, 69).

Весьма символичным было и то, что уже вечером 15 марта 1939 г., т.е. сразу же после оккупации Чехии вермахтом в Прагу счёл необходимым прибыть вождь нацистского рейха, который по-хозяйски разместился в резиденции чехословацких президентов на Пражском Граде, продемонстрировав тем самым свой полный триумф в решении «чехословацкого вопроса» (Liška 2018, 21).

Чешское руководство протектората Богемия и Моравия в области исторической политики предпочло сделать ставку на ту форму чешской исторической государственности, которая существовала до начала Первой мировой войны, когда чешские земли являлись составной частью империи Габсбургов. Образование независимой Чехословакии в октябре 1918 г., ставшее возможным после окончания Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгрии, трактовалось протекторатными идеологами как неестественное, аномальное и искусственное явление, принесшее чехам исключительно пагубные последствия. Так, один из ведущих идеологов Второй республики Э. Вайтауэр, рассуждая о чехословацкой государственности в межвоенный период и имея в виду Версальскую систему, афористично утверждал, что «кассир в Версале выплатил нам значительно больше, чем был должен. Возвращать полученную нами переплату, которую мы в течение 20 лет тратили как хотели, трудно...» (Rataj 1999, 88).

Явно обозначившееся ещё в период Второй чехословацкой республики негативно-критическое отношение к полученной в 1918

г. независимости в специфических условиях протектората значительно усилилось и стало доминирующим. Однако если в период Второй республики имела место скорее австрославянская ностальгия и трактовка распавшейся Австро-Венгрии как идеального места для успешного развития чешского народа, то в протекторатных условиях привычный для чехов австрославизм, бывший важным элементом чешской политики ещё с середины XIX в., эволюционировал в своеобразный германославизм. Это выражалось в том, что протекторатная пропаганда трактовала чехов как самый развитый славянский народ, который не только с цивилизационной, но и с расовой точки зрения является наиболее близким к германским народам Европы и находится «под защитой» нацистского Третьего рейха (Rataj 1999, 88).

Любопытно, что данный пропагандистский тезис протекторатных идеологов гармонировал с теориями некоторых судетонемецких историков и социологов, которые трактовали чехов как народ «преимущественно германского происхождения». Так, уроженец Северной Чехии, видный судетонемецкий социолог Карл Валентин Мюллер, занимавший с 1941 г. должность профессора Пражского немецкого университета, в своих научных трудах доказывал, что этногенез чехов в эпоху раннего Средневековья представлял собой симбиоз «германского и славянского биологического и культурного компонентов при решающей роли германского элемента» (Lozoviuk 2012, 30). Данные теории были призваны подготовить идеологическое и научное обоснование полной германизации большей части чешского населения, которая должна была начаться сразу после военной победы гитлеровской Германии. Помимо этого, в протекторате активно издавались и распространялись, в том числе и на украинском языке, «научные труды» немецких историков и этнографов из Германии, где пропагандировалась нацистская расовая теория и доказывалось, что «с расовой точки зрения никаких «славян» не существует вообще...» (Баер 1944, 7).

Важным тезисом официальной протекторатной пропаганды было утверждение о существовании исторически длительного и взаимовыгодного «чешско-немецкого сотрудничества» и о возможности для чехов получить практическую пользу от германской агрессии; при этом, однако, всячески замалчивался тот совершенно очевидный для подавляющего большинства чехов факт, что окончательной целью нацистской Германии в «чешском вопросе» была

полная ликвидация чешского народа путём ассимиляции, депортаций и физического истребления. Образованный по указу Гитлера Протекторат Богемия и Моравия должен был стать практическим орудием реализации данной цели.

В условиях протектората главной целью его политической элиты был поиск исторических аргументов, способных убедительно обосновать естественный характер и легитимность вассальной зависимости чешских земель от Германской империи. Целенаправленная и активная работа в этом направлении началась ещё в период существования Второй чехословацкой республики по прямому указанию премьер-министра Берана и президента Гахи. Весьма удобной для реализации данной цели оказалась именно святовацлавская традиция, в частности, то обстоятельство, что князь Вацлав после вторжения в чешские земли саксонских и баварских войск был вынужден подчиниться и признать ленную зависимость Чехии от германского короля Генриха I Птицелова. В дальнейшем это стало государственно-правовой предпосылкой вхождения чешских земель в состав Священной римской империи германской нации, провозглашённой в 962 году. Актуализируя данный аспект святовацлавской традиции, католический публицист Б. Станек призывал чешское общество «идти путём святого Вацлава», ожидая при этом, что «современная Германия будет относиться к нам с тем же тактом и благородством, с какими относился к Чехии и к нашему святому Вацлаву король Генрих I, предоставивший чешским землям все возможности политического, экономического и культурного развития» (Rataj 1999, 90).

После провозглашения протектората Богемия и Моравия, созданного 16 марта 1939 г. по указу Гитлера в качестве автономной единицы в составе Третьего рейха, интерпретация святовацлавской традиции была трансформирована таким образом, что мотивы подчинённости чешских земель Германии, естественности данного явления и связанных с этим выгод стали доминирующими. По сути, политика исторической памяти в протекторате стала весьма изобретательно обслуживать примечательный лозунг чешского главы протектората Э. Гахи: «Быть добрым чехом и благонадёжным подданным рейха!», который можно считать квинтэссенцией чешского протекторатного коллаборационизма.

Гаха и протекторатные идеологи небезуспешно стремились приспособить святовацлавскую традицию к текущим политическим

потребностям, актуализировав существовавшую в Средние века государственно-правовую связь между Чехией и Священной римской империей германской нации таким образом, чтобы легитимизировать существование протектората Богемия и Моравия в составе нацистского Третьего рейха. В конкретном выражении это предполагало обязанность чехов как малого народа принять «защиту со стороны великого народа», прочно усвоить и практиковать «национал-социалистические ценности» с их расовой антиславянской теорией, а также добросовестно служить рейху, способствуя его победе в войне со странами антигитлеровской коалиции, и бороться с местным движением Сопротивления (Rataj 1999, 91).

Что же касается обязательств германского сюзерена в отношении своего чешского вассала, то они должны были выражаться в сохранении национально-культурной автономии протектората со стороны германского рейха. Впрочем, вожди нацистского рейха не воспринимали всерьёз все эти тщательно выстроенные протекторатно-коллорационистские идеологические конструкции. В этом отношении принципиально важным является то обстоятельство, что протекторат Богемия и Моравия с его формально автономным статусом с самого начала рассматривался руководством нацистской Германии как временная мера, необходимая для осуществления и эффективного контроля над чешским населением в ходе войны; при этом сам протекторат с его развитой военной промышленностью и чешской квалифицированной рабочей силой был исключительно важным экономическим ресурсом для Третьего рейха (Шевченко 2022, 63).

После предполагаемой победы Германии в войне и успешной германизации чешского населения, которая уже начала постепенно осуществляться на территории протектората Богемия и Моравия, нацистские вожди планировали «разделение протектората с включением его частей в состав соседних административных единиц Третьего рейха» (Hořejš 2013, 17). Таким образом, о чехах и их былой государственности в новой гитлеровской Европе не должно было остаться даже воспоминания.

Как обоснованно замечает чешский историк Я. Ратай, интерпретация святовацлавской традиции в протекторате вполне соответствовала «фальсификациям чешской истории в германском рейхе и среди судетонемецких учёных. Князь Вацлав был использован для обоснования легитимности и естественности включения чешских

земель в состав Германской империи и придания активному коллаборационизму статуса нормального и даже желаемого явления, соответствующего всем нормам морали. Уже 19 марта 1939 года политический секретарь главы протектората Э. Гахи Й. Климент в газете «Народни политика» опубликовал статью «Возрождение Священной римской империи», в которой с вассальной гордостью декларировал, что чехи стали частью обновлённой германской империи и что они по примеру своих предков должны стремиться к тому, чтобы их считали лучшей частью империи, «золотым ожерельем германского рейха» (Rataj 1999, 91).

Протекторатные идеологи реанимировали святого Вацлава прежде всего как «первого осознанного глашатая и выразителя необходимости соглашения чехов с рейхом и одновременно как национального святого» (Rataj 1999, 91). Образ святого Вацлава был изображён на самой крупной протекторатной банкноте достоинством в 5.000 крон. Более того, с образом святого Вацлава был связан и самый масштабный в протекторате кинематографический проект, призванный запечатлеть святого Вацлава именно в таком идеологическом формате, который был необходим протекторатной пропаганде. Однако в силу различных организационных и технических причин съёмки масштабного художественного фильма «Святой Вацлав», призванного стать одним из самых мощных инструментов протекторатной кинопропаганды, так и не были завершены – к облегчению ряда чешских актёров и режиссёров, стремившихся избежать участия в этом сомнительном пропагандистском проекте.

Наиболее ярким и одновременно позорным для чехов эпизодом использования святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха и протекторатной пропаганды стала торжественная церемония передачи ключей от чешских коронационных драгоценностей главой протектората Э. Гахой исполняющему обязанности рейхспротектора обергруппенфюреру СС Р. Гейдриху 19 ноября 1941 года в храме Святого Вита в Пражском Граде. Данная церемония символизировала полнейшее господство нацистского рейха над чешским народом и чешскими землями.

Ещё одним показательным примером подобного рода была устроенная 3 июля 1942 года у памятника святому Вацлаву на Вацлавской площади в центре Праги массовая проправительственная манифестация чехов, в ходе которой было осуждено покушение на и.о. рейхспротектора Гейдриха, совершённое группой направленных

из Великобритании чехословацких десантников. В своём выступлении на этой массовой коллаборационистской манифестации глава протекторатного правительства Й. Крейчи от имени всех чехов осудил покушение на Гейдриха, заклеил Э. Бенеша и возглавляемое им эмигрантское правительство как главных врагов чешского народа и заявил о верности всех чехов Великогерманской империи. Показательно, что это яркое проявление массового коллаборационизма, в котором приняли участие десятки тысяч чехов, имело место у памятника святому Вацлаву в центре чешской столицы – именно в том месте, где 28 октября 1918 г., т.е. всего двадцать четыре года назад, была торжественно провозглашена независимая Чехословакия.

Впрочем, Гитлер и прочие вожди Третьего рейха воспринимали столь тщательно выстроенную протекторатными идеологами коллаборационистскую идеологическую конструкцию как «смешной формализм» (Rataj 1999, 92). Для руководства нацистской Германии протекторатная автономия и псевдогосударственность были лишь временным механизмом эффективного управления чешским населением во время войны до наступления завершающего этапа решения «чешского вопроса», в результате которого чехи как самобытный славянский народ должен был исчезнуть навсегда не только с политической, но и с этноязыковой карты тогдашней Европы.

Использование святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха достигло своего апогея и одновременно логического завершения в интерпретации главного пропагандиста протектората Богемия и Моравия Э. Моравца. Так, в одном из своих выступлений Моравец заявил о том, что «верность святому Вацлаву означает верность рейху, к которому князь Вацлав питал самые тёплые чувства. Возглавляемое Моравцом протекторатное управление по воспитанию молодёжи использовало образ князя Вацлава как мистического и при этом немилосердного вождя, который вёл своих «арийцев-чехов» в бой против евреев, чехословацкого эмиграционного правительства в Лондоне, движения Сопrotивления и стран антигитлеровской коалиции» (Rataj 1999, 93).

В этом же духе работали и протекторатные средства массовой информации. Так, для нейтрализации прославянских и просоветских настроений среди чешской общественности, усилившихся после нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г., протекторатное радио начало с 15 июля 1941 г. цикл пропагандистских

передач под названием «Чех не может быть большевиком». В одной из радиопрограмм в рамках данного цикла чешский протекторатный журналист А. Кршиж убеждал чехов в том, что «славянство и патриотизм являются лишь одним из жидо-большевистских обманов» (Pinard 2005, 196). Последним примером использования святовацлавской традиции в интересах Третьего рейха и протектората можно считать существование так называемой Святовацлавской добровольческой роты в марте – мае 1945 года в составе 77 чешских солдат, которые должны были вместе с германским вермахтом участвовать в боях с наступавшей Красной Армией.

После окончательного освобождения Чехословакии от нацистской оккупации в мае 1945 года вплоть до прихода к власти коммунистов в феврале 1948 года политика исторической памяти в этой стране в основном вернулась к той модели, которая существовала здесь в период Первой чехословацкой республики в 1918-1938 годах.

ЛИТЕРАТУРА

- Beneš, Edvard. 1995. *Odsun Němců. Výbor z pamětí a projevů doplněný edičními přílohami*. Praha: SEB
- Hořejš M. 2013. *Protektoratní Praha jako německé město*. Praha: Mladá fronta.
- Kuras B. 1999. *Češi na vlásku. Příručka národního přežívání*. Praha: Baronet.
- Liška V. 2018. *Éra hákového kříže. Protektorát*. Praha: Nakladatelství XYZ.
- Lozoviuk Petr. 2012. *Etnicita a nacionalismus v diskurzu 20 století. Příspěvek intelektuálů z českých zemí ke studiu kolektivních identit*. Brno: MUNI.
- Pinard P.R. 2005. „Alois Kříž a cyklus rozhlasových relací „Co víte o Židech a zednářích?““. *Terezínské studie a dokumenty 2005*. Editorka Jaroslava Milotová, 193-231. Praha: Institut Terezínské iniciativy.
- Rataj Jan. 1999. „Politické proměny symboliky svatováclavské tradice a tradice 28. října v moderních československých dějinách“. *Spory o dějiny II. Sborník kritických textů*. Editor Miloslav Bednář, 84–97. Praha: Masarykův ústav AV ČR.
- Vykoupil Libor. 2000. *Slovník českých dějin*. Brno: Julius Zirkus.

Баер, Ганс Йоахім. 1944. *Доля поляків. Раса – народна вдача – пле-мінна порода*. Прага: Видавництво Ю. Тищенка.

Шевченко, Кирилл. 2022. *Славянський трикутник. Альянс Варшава-Москва и Празька весна 1968 года*. Минск: Колорград.

Prof. Dr. Kirill Shevchenko, Republic of Belarus

*The Russian State Social University
Minsk*

CZECH HISTORY IN THE SERVICE OF THE THIRD REICH

The politics of ancient memory in the Protectorate of Bohemia and Moravia in 1939 –1945.

Abstract

The article analyzes the policy of historical memory, which was carried out by the authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia, formed by order of Hitler right after the final occupation of the Czech lands by the Nazi Reich in March 1939. The essence of this historical policy was to serve Nazi propaganda and prepare the Czech population for the “final solution to the Czech question” planned by the Nazi leadership. Thus, historical policy in the protectorate actively promoted the thesis about the original belonging of the Czech lands to the German Reich and popularized the Czech Prince Wenceslas from the Premyslid dynasty, who at the beginning of the 10th century recognized the vassal dependence of the Czech lands on Germany. This historical policy was one of the most striking manifestations of Czech collaboration, carried out by the authorities of the protectorate until May 1945. In particular, this policy was expressed in the media and cinematography.

Keywords: *Protectorate of Bohemia and Moravia, historical politics, collaborationism, Germanization, Third Reich*